

МЕТАМОРФОЗЫ СОЛОВЬЕВСКОЙ МЕТАФОРЫ В НАСЛЕДИИ А.Ф. ЛОСЕВА¹

Е.А. Тахо-Годи

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН
Библиотека «Дом А.Ф. Лосева»*

Аннотация: Междисциплинарная проблема взаимодействия двух составляющих русской культуры – философии и литературы – раскрывается на конкретном примере обращения А.Ф. Лосева к, казалось бы, «проходному» образу «дыры», возникающему в Предисловии к «Трем разговорам о войне, прогрессе и конце всемирной истории» (1900) Вл. Соловьева. Соловьевскую метафору «дыры», которой поклоняются «дыромоляи», А.Ф. Лосев превращает в символ мира, обезбоженного и опустошенного позитивистским мироощущением. Соловьевская метафора из «Трех диалогов» позволяет ему нагляднее передать диалектику абсолютного бытия («голубого неба» небесной родины) и небытия, «пустоты материалистов», порождающую ужасы и кошмары, «дурную бесконечность» относительной мифологии. При этом А.Ф. Лосев использует этот образ не только в философских текстах («Диалектика мифа», «Нео-платонизм ясный как солнце», «Самое самó» и др.), но и в своей художественной прозе, в том числе в текстах, создававшихся в 1970–1980-е годы в разных жанрах (автоинтервью «Невесомость», диалоги «Беседы с Чаликовым»).

Ключевые слова: взаимодействие философии и литературы, «Три разговора» Вл. Соловьева, А.Ф. Лосев, образ, символ, метафора, «дыра» и «пустота».

Данный текст развивает тему, уже затронутую нами ранее. В публикации «О литературно-философском осмыслении одного метафорического образа Вл. Соловьева»² речь шла о том, как в первой четверти XX столе-

¹ Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 17–18–01432). Препринт опубликован в журнале: Соловьевские исследования. 2018. № 3. С. 87–97.

² Тахо-Годи Е.А. О литературно-философском осмыслении одного метафорического образа Вл. Соловьева // Русская литература и философия: пути взаимодействия / Отв. ред. и сост. Е.А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2018. С. 414–433 (Сер. «Русская литература и философия: пути взаимодействия». Вып. 1).

тия обрел вторую жизнь образ, казалось бы, маргинальный в соловьевской системе, имеющий художественный, а не философско-терминологический характер – образ «дыры», которой молятся «дыромоляи».

13 мая 1900 г. в газете «Россия» Вл. Соловьев сравнил лишенное мистической глубины учение Л.Н. Толстого с поклонением «дыре» дыромоляев в фельетоне «О поддельном добре». В переработанном виде фельетон был включен в качестве Предисловия к книге «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» (1900)³. Такой выпад против классика русской литературы, конечно, не остался незамеченным и вызвал резкую публичную отповедь В.В. Розанова «Что приснилось философу?»⁴ Д.С. Мережковскому, несмотря на критическое отношение к Вл. Соловьеву, розановская статья по поводу «дыромоляев» не понравилась. В письме от 8 июня 1900 г. он писал В.В. Розанову: «И “Лев” и – “овцы” – действительно “дыромоляи”. Почему же этого нельзя сказать?»⁵ Но речь шла не только о несовпадении личных позиций мыслителей. На рубеже XX столетия противостояние религиозного и позитивистского начал, метафорически переданное Вл. Соловьевым, ощущалось как одно из предвестий грядущих мировых катастроф. Это и позволило соловьевским образам «дыры» и «дыромоляев» прочнее укорениться в сознании авторов первой трети XX века, в том числе и в сознании одного из духовных наследников Вл. Соловьева – А.Ф. Лосева, у которого «образ *поклонения дыре* служил для изобличения бездуховного “голового” эмпиризма»⁶.

Именно с такой целью А.Ф. Лосев вводит образы «дыры» и «дыромоляев» в 1930 г. в «Диалектике мифа». Соловьевская метафора у него превращается в полноценный символ рационалистически обезбоженного мира, опустошенной материи. И в «Диалектике мифа», и позднее, в 1932–1933 годах, в письмах к жене из Беломорско-Балтийского лаге-

³ Соловьев Вл. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Соловьев В.С. Собрание сочинений. 2-е изд. Т. 10. СПб.: Просвещение, 1914. С. 84.

⁴ Розанов В.В. Что приснилось философу? // Новое время. 1900. № 8698, 16 мая. С. 2.

⁵ Письма Д.С. Мережковского к В.В. Розанову (1899–1908) // Российский литературоведческий журнал. 1994. № 5/6. С. 237.

⁶ См.: Троицкий В.П. Примечания // Лосев А.Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа». М.: Мысль, 2001. С. 512; подробнее об этом: Тахо-Годи Е.А. Традиции «Трех разговоров» Вл. Соловьева в прозе А.Ф. Лосева // Владимир Соловьев и культура Серебряного века. М.: Наука, 2005. С. 214–220.

ря⁷ подобной относительной мифологии, базирующейся на ньютоновской механике, прославляющей черную пустоту неосвященного божественным присутствием космоса, превращающей вселенную в однородное и бесконечное пространство, в «безумное марево», в «ту самую дыру, которую ведь тоже можно любить и почитать»⁸, он противопоставляет абсолютную мифологию голубого неба, рая, Софии Премудрости Божией. Как ни парадоксально, но в «Диалектике мифа» соловьевская антитеза – поклонение «дыре», «пустоте» и любовь к «небу», к «Софии» – неожиданно совмещается с цитированием соловьевского антагониста – В.В. Розанова⁹. Автор считает целесообразным ввести в свой текст пространную цитату из розановского «Апокалипсиса нашего времени» (главка «Солнце», выпуск № 3) с его юродствующим «тьфу» по поводу «глупого ответа Коперника на нравственный вопрос о планете и солнце», с которого, по мнению Розанова, «началась пошлость планеты и опустошение Небес»¹⁰. «Эхо» этого розановского «плевок» ощущается и в лосевском пассаже о Софии:

А я, по грехам своим, никак не могу взять в толк: как это земля может двигаться? Учебники читал, когда-то хотел сам быть астрономом, даже женился на астрономке. Но вот до сих пор никак не могу себя убедить, что земля движется и что неба никакого нет. <...> То я был на земле, под родным небом, слушал о вселенной, «яже не подвигнется»... А то вдруг ничего нет, ни земли, ни неба, ни «яже не подвигнется». Куда-то выгнали в шею, в какую-то пустоту, да еще и матерщину вслед пустили. «Вот-де твоя родина, – *наплевать и размазать!*»¹¹.

Борясь с позитивистским мироощущением, А.Ф. Лосев готов взять во временные союзники и В.В. Розанова, хотя на протяжении всей «Диалектики мифа» так или иначе полемизирует с ним, особенно с его «мистикой пола», которая не приемлема для него как приверженца соловьевской фи-

⁷ Лосев А.Ф., Лосева В.М. «Радость на веки»: Переписка лагерных времен. М.: Русский путь, 2005. С. 30.

⁸ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа». М.: Мысль, 2001. С. 45.

⁹ Там же. С. 166.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 45. Курсив мой. – Е.Т.-Г.

лософии любви. Недаром в конце жизни, в книге «Владимир Соловьев и его время» он будет говорить о «розановском развороте мысли», с которым всегда боролся Вл. Соловьев, прекрасно понимавший, что «розановщина стала уже мощным духом современности, заслуживающим самого серьезного внимания»¹².

Критикует он и другого противника Вл. Соловьева – М.М. Тареева, находившего во всей соловьевской логике только одну пустоту. А.Ф. Лосев цитирует пассаж из работы М.М. Тареева, где – вольно или невольно – сам Вл. Соловьев подан как некий «дыромолай», в чьей «религиозно-философской системе, мы найдем <...> на месте Евангелия нагло сверкающую дыру, отвратительную пустоту», в текстах которого о христианстве нет «тайны исторического Христа», а лишь виртуозная игра словами «Логос», «Богочеловек», «София», отчего «Логос–Богочеловек» оказывается «отвлеченным понятием, а не предметом живого созерцания»¹³. Для А.Ф. Лосева, напротив, очевидно, что соловьевские «Три разговора» – это «преодоление всякого рационализма», что соловьевская критика рационализма и эмпиризма есть в то же время и его гносеология, что «критика всякого пустого, и в том числе бытового христианского мировоззрения», была у Вл. Соловьева связана с самым «напряженным вниманием к философским проблемам знания и религии»¹⁴. «Понимать материю как пустой механизм означает, с точки зрения Вл. Соловьева, унижать материю и оскорблять ее достоинство»¹⁵, – писал А.Ф. Лосев, сам всегда отстаивавший «эстетику религиозного материализма»¹⁶.

Соловьевское метафорическое переосмысление образа дыры, впервые подхваченное в «Диалектике мифа», будет присутствовать в лосевском наследии на протяжении многих лет, вплоть до 1980-х годов.

В написанной в середине 1930-х годов, вскоре после освобождения из лагеря, «Истории эстетики», во фрагменте «Нео-платонизм ясный как солнце», говоря о позитивисте, знающем только «факты» и «причины», развивая тему опустошенного и обоженного рационализмом и позитивизмом мира, А.Ф. Лосев иронично замечает:

¹² Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М.: Молодая гвардия, 2009. С. 420.

¹³ Там же. С. 376.

¹⁴ Там же. С. 171.

¹⁵ Там же. С. 514.

¹⁶ Лосев А.Ф. Строение художественного мироощущения // Лосев А.Ф. Форма. Стиль. Выражение. М.: Мысль, 1995. С. 300.

<...> небо, напр., простите меня, с точки зрения не только позитивиста, но и вообще всей нашей науки, совсем не факт. Какой же это факт? Даже такого и термина нет в астрономии. Небо – это пустое вместилище для светил, ящик какой-то или мешок, погреб, что ли, яма, дыра эдакая темная и бесконечная. Чего же тут прекрасного? Представьте себе, так скорее плакать хочется, а не радоваться¹⁷.

Мыслитель готов отмежеваться и от науки, и от философии, если они позитивистски настроены, лишь бы сохранить верность той подлинной диалектике, которая одновременно есть и «ритм самой действительности»¹⁸ и «глаза, которыми философ может видеть жизнь»¹⁹. Вот почему он провокационно объявляет:

Значит, если я сейчас всерьез сижу в саду, под яблоней и под небом, то это только потому, что я, слава Богу, не физик и не астроном, да, пожалуй, и не философ, если под философией понимать систему категорий. Небо для меня просто небо, и больше ничего, вот именно такое синее-синее, глубокое-глубокое, родное-родное. Тут, брат, уже не астрономия и не философия²⁰.

Объясняя через реально-видимое сложнейшие неоплатонические категории, в том числе тезис: «*Единое раскрывает себя в Уме*, в самосознающей идее»²¹, он вновь сравнивает «нигилистическое ничто», «тюрьму солипсизма» со страшной «черной дырой»:

Попробуйте предложить тезис, что бытие не есть эйдос, – тогда, чтобы найти сущность данной вещи, придется ее собирать из отдельных частей, а чтобы найти каждую такую часть, придется собирать ее еще из более мелких частей и т.д., покамест не уйдете в черную дыру абсолютно-неразличимой бесконечности, а все ваше

¹⁷ Лосев А.Ф. История эстетики (фрагмент). «Нео-платонизм ясный как солнце» // Лосев А.Ф. Эллинистически-римская эстетика. М.: Мысль, 2002. С. 578.

¹⁸ Лосев А.Ф. Философия имени // Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. М.: Мысль, 1993. С. 617.

¹⁹ Там же. С. 625.

²⁰ Лосев А.Ф. История эстетики (фрагмент). «Нео-платонизм ясный как солнце». С. 578.

²¹ Там же. С. 589.

бытие рассыплется в нигилистическое ничто. Попробуйте утверждать, что эйдос не содержит в себе и адекватного себе сознания, – это значит, что все ваши высказывания и утверждения не имеют никакого объективного значения, и вы удалитесь в тюрьму солипсизма, отмахнувшись от всякой живой действительности²².

Образ «черной дыры», вызывающий у современного читателя ассоциации с астрономическим термином *black hole*, закрепленным в науке американским физиком-теоретиком Джоном Арчибалдом Уилером значительно позже, в 1960-е годы, как представляется, восходит всё к тому же источнику – к Вл. Соловьеву. Недаром в 1980-е годы в книге «Владимир Соловьев и его время» А.Ф. Лосев вычленил специальный параграф «Вл. Соловьев и неоплатонизм» и придет к выводу, что соловьевское учение о положительном «ничто» в «Философских началах цельного знания» (1877) «есть не больше и не меньше как неоплатоническое учение о первоедином»²³. А.Ф. Лосев уверен, что «здесь у Вл. Соловьева был чистейший неоплатонизм и в то же время полная независимость от изучения каких-нибудь неоплатонических источников», что Вл. Соловьев не заимствует «это учение о первоедином в его источниках, античных или немецких», а «оперирует этой концепцией так ясно и просто, как будто бы это было простым правилом логики или грамматики»²⁴. С лосевской точки зрения, «оригинальность» неоплатоников заключается именно в том, что «они захотели в философии отобразить живую, а не изнасилованную и мертвую действительность»²⁵. Неоплатонизм у раннего Вл. Соловьева, по А.Ф. Лосеву, «вовсе не вычитан им из какого-нибудь Плотина, Прокла или Дионисия Ареопагита, а представляет собою самостоятельное и свободное достижение остро мыслящего ума талантливого философа», стремящегося осмыслить и отобразить именно живую действительность, для которого учение о «положительном ничто», категории апофатизма и катафатизма являются настолько самоочевидными, «ясными и простыми, что, собственно говоря, ему и доказывать тут нечего»²⁶.

²² Там же. С. 590.

²³ Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. С. 151.

²⁴ Там же.

²⁵ Лосев А.Ф. История эстетики (фрагмент). «Нео-платонизм ясный как солнце». С. 590.

²⁶ Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. С. 152.

В работе «Самое самое», хронологически близкой к фрагменту «Неоплатонизм ясный как солнце», А.Ф. Лосев, говоря о категории различия и сфере смысла, вернется к образу «дыры» как символу всего материально-го, чтобы явственнее подчеркнуть невещественность смысловой сферы:

<...> к смыслу не приложимы никакие определения времени и пространства. Другими словами, смысл существует так, что он не проявляет себя сейчас одним образом, а потом – другим, и не так, что сейчас он есть, а потом его нет, и не так, что тут у него оказалась дыра или прорыв, а там эти дыры заштопались. Все эти характеристики взяты из вещественного, пространственно-временного мира, и они не имеют никакого применения к сфере смысловой. <...>. Сфера смысла – совершенно невещественна; и смысл действует сразу целиком, весь и полностью в одно мгновение²⁷.

Образ «дыры» возникает и у позднего А.Ф. Лосева в его рассказе «Невесомость», написанном в 1970-е годы в жанре автоинтервью-мистификации. В нем автор представляется вымышленному наивному корреспонденту космонавтом, живущим в невесомости. То, что в переводе с лосевского «эзопова языка» речь идет о мыслителе, пребывающем в мире идей – невидимом, но вечном и неуничтожимом, подтверждает лосевская реплика в разговоре с В.В. Бибихиным 18 октября 1970 г.:

Когда человек молится, он становится легким, и когда он погружен в созерцание, он становится невесомым. В одном монастыре был старец, про которого рассказывали, что он поднимался на воздух. Молодые монахи подглядывали в щелочку и видели, что он иногда поднимается на несколько над своей постелью, когда лежит на ней, повисит – и опять опускается. Объясняли это тем, что в молитвенном состоянии его тело становилось невесомым. Ведь даже в физике известно, что тело, которое движется со скоростью света, не имеет объема²⁸.

²⁷ Лосев А.Ф. Вещь и имя. Самое самое. 2-е изд., исправл. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2016. С. 402–403.

²⁸ Бибихин В.В. Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. С. 30–31.

Рассказывая в «Невесомости» о тех задачах, которые он решал в книге «Античный космос и современная наука», А.Ф. Лосев вновь использует образ «дыры» вместо неба в том же ассоциативном ряду, который возник у него в «Диалектике мифа» в связи с Ньютоном и В.В. Розановым:

Я доказывал, что античная философия есть, попросту говоря, тогдашняя астрономия, конечно, с философской разработкой выступающих здесь категорий. А астрономия – потому, что наиболее истинным, и материальным, и идеальным, наиболее вечным и правильно сформированным бытием считался, попросту, самый обыкновенный космос. Но это не тот страшный и неохватный ньютоновский космос, который больше является пустотой, чем оформленным веществом, а космос видимый, слышимый, осязаемый и обоняемый. Словом, тот небесно-голубой купол, который мы и сейчас реально видим, хотя и уверяем себя, что это не небо, а просто бесконечная дыра²⁹.

В самой книге «Античный космос и современная наука» (1927) образа «дыры» нет, зато есть сходный с ним – образ «пустоты»³⁰. При этом, как подчеркивает А.Ф. Лосев, античным воззрениям на космос чуждо представление об «абсолютной пустоте»³¹, античность не знает «пустоту материалистов»³². Так, пустота у пифагорейцев в какой-то мере близка к меону³³. Вот почему, обращаясь к античности, имеет смысл вести речь «о разной интенсивности *пространства как такового*»³⁴. О том же А.Ф. Лосев будет говорить и в 1980-е годы, занимаясь историей античной эстетики. Он демонстрирует, что в античном учении «об атоме и окружающей его пустоте» явственна диалектическая интуиция, ибо, согласно атомистам, атом «есть бытие, а пустота – небытие», однако «небытие атомистов – это не ничто, равное

²⁹ Лосев А.Ф. «Я сослан в XX век...»: В 2 т. Т. 2. М.: Время, 2002. С. 563.

³⁰ О «пустоте» в русской культуре см.: Копировский А.М. «По губам меня помажет пустота»: Образ пустоты в изобразительном искусстве и поэзии // Окно из Европы: К 80-летию Жоржа Нива. М.: Три квадрата, 2017. С. 426–438.

³¹ Лосев А.Ф. Античный космос и современная наука // Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. М.: Мысль, 1993. С. 244.

³² Там же. С. 582.

³³ Там же. С. 91.

³⁴ Там же. С. 199.

нулю»³⁵. Давая эстетическую интерпретацию учения атомистов о пустоте, А.Ф. Лосев акцентировал «чрезвычайно напряженное участие пустоты в образовании всякого эстетического предмета», когда «светлый и яркий атом мыслился на темном фоне окружающей пустоты»:

Ведь пустота – это есть тот *фон*, на котором проявляет себя всякий эстетический и художественный предмет. Атомисты с большим пафосом трактовали эту пустоту, этот фон, причем пафос этот постоянно подогревался необычайной чуткостью и чеканом фиксируемого у них бытия, настолько совершенным и ярким чеканом, что он доходил у них до геометрической концепции каждого атома³⁶.

Причем «если диалектика свободы и необходимости приводила атомистов в эстетике к хореографическому пониманию всех движений в мире, то диалектика хаоса и космоса превращала эту мировую хореографию в математически точное проявление и оформление мирового хаоса во всем космосе и в отдельных составляющих его областях действительности»³⁷.

Если же мы обратимся к лосевской философско-музыкальной прозе 1930–1940-х годов, то тут мотив «пустоты» явно связан не с ее античной интерпретацией, а именно с тем, что автор «Античного космоса и современной науки» именовал «пустотой материалистов». Отсюда «черная пустота неба» (рассказ «Мне было 19 лет...»), «духовная ограниченность и какая-то обворованность, пустота и скука» (рассказ «Театрал»), превращение субъектом «мироздания в пустой темный мертвый механизм», в «пустой мир» (повесть «Трио Чайковского»), ощущение, «что в мире – только одна пустота и холод, и лишь кое-где мерцают отдельные заброшенные точки, по одной на миллиарды километров» (повесть «Метеор»). С этой «пустотой и непросветленностью обыденно человеческого сознания» и борется «изливающаяся из недр мировой жизни смысловая энергия» (повесть «Трио Чайковского»).

Об этом «ужасе перед бесконечным пространством», об этой пугающей «дурной бесконечности», ничего не дающей, «кроме головокружения, бессилия и скуки», А.Ф. Лосев будет писать в 1970-е годы в «Эсте-

³⁵ Лосев А.Ф. От Гомера до Прокла: История античной эстетики в кратком изложении. СПб.: Азбука, 2016. С. 76.

³⁶ Там же. С. 77.

³⁷ Там же. С. 81.

тике Возрождения», говоря о явлении после Коперника новой «картины мира, в которой человек должен был превратиться в ничтожество и только бесконечно раздувался его рассудок»³⁸. Причем эта «коперниканская Вселенная» породила свою новую эстетику:

Сколько угодно находилось и больших и малых умов, и больших и малых философов, а также и больших и малых поэтов, которые восторгались этой бесконечной Вселенной, испытывали сладкое чувство и трепет перед этими безумными пустотами бесконечного мира и перед величием человека, создавшего науку об этих пространственно-временных расстояниях. Находились даже и богословы, которые доказывали всемогущество и величие божие именно в силу наличия этих бесконечных пустот, безумных и ни с чем не сравнимых расстояний и этого холода в 273' ниже нуля по Цельсию³⁹.

Те же темы – субъективизм, солипсизм, дурная бесконечность – обсуждаются и в написанных в начале 1980-х годов лосевских диалогах с Чаликовым. Этому смышленому, но недалекому студенту его собеседник и наставник, объясняя вред субъективизма, говорит, что «если наши мыслительные формы не внедрены в нас самой же действительностью, то это значит, что в самой действительности не имеется единой целостности отношений, что вся действительность – это только наше марево и галлюцинация, что она есть пустота и дыра»⁴⁰. Тут, как видим, с полной определенностью выявляется синонимичность для лосевского сознания этих двух образов – «пустоты» и «дыры».

В «Беседах с Чаликовым» происходит следующий знаменательный диалог, когда шаг за шагом наставник приводит своего наивного слушателя к определению «идеи» (а вместе с тем и Бога) как такой «вещи, которая для своего движения уже не требует никаких других вещей, а движется сама от себя и сама для себя является причиной своего движения». Позволим себе привести еще одну довольно пространную цитату:

Все конечное только потому и существует, что оно пронизано бесконечностью.

³⁸ Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М: Академический проект, 2017. С. 495.

³⁹ Там же. С. 493.

⁴⁰ Лосев А. Ф. «Я сослан в XX век...»: В 2 т. Т. 2. С. 590.

– Да, мы касались этого вопроса в прошлый раз, – глубоко вздохнул Чаликов. – Но тогда нужно идти еще дальше. Если бесконечность, данную в виде единораздельной цельности, приписывать не действительности, а только человеческому мышлению, тогда действительность, лишенная такой структурной бесконечности, окажется даже и не дырой, а какой-то дырочкой. И это тем более дико, что действительность не только есть единораздельная цельность, но она еще ведь также существует во времени, она же еще и развивается, она ведь живая, и она тоже ведь движется.

– Конечно, и о дырочке ты заговорил правильно, и о необходимости объяснять движение действительности ты тоже заговорил правильно и вовремя. Скажи мне: если вещь движется, то не потому ли, что имеется причина ее движения, то есть какая-нибудь другая вещь, которая ею движет? Но то же надо сказать и об этой другой вещи. И так далее до бесконечности, то есть наш вопрос о причине движения остается без ответа, покамест движение одной вещи мы будем объяснять движением какой-нибудь другой вещи. А вывод такой. Либо в нашем объяснении подвижности вещи мы уходим в бесконечность причин этой подвижности, и тогда она остается необъясненной, непонятной и, попросту говоря, бессмысленной. (Тут, как говорят, возникает дурная бесконечность.) Либо где-то есть такая вещь, которая для своего движения уже не требует никаких других вещей, а движется сама от себя и сама для себя является причиной своего движения.

Здесь Чаликов глубокомысленно заметил:

– А почему же такой самодвижущей вещью не быть самой же этой вещи, движение которой мы объясняем?

– Можно. Но вещь, которая движет сама себя, означает только то, что она есть живая вещь, живое существо. Ведь что мы называем живым существом в отличие от неживой вещи? Именно то, что движет себя само.

– Значит, дескать, все одушевлено? – несколько испуганно заметил Чаликов. <...> что как действительность создает принципы своего конструирования, так и мышление, будучи отражением действительности, тоже само строит для себя принципы своего конструирования. Так ли я вас понимаю?

– О любезнейший мой друг и приятель! – обрадованно воскликнул я. – Да ты же у меня золото, а не собеседник. Только вот я хо-

тел развить нашу мысль о дырочке. Ведь если мы и все мыслительные типы конструирования, на которых базируются наука и техника, тоже припишем только одному человеческому субъекту и откажем в этом самой действительности, то подобного рода действительность, лишенная принципов своего собственного конструирования, окажется уже не просто дырочкой, но дырочкой весьма воинственной, окажется вселенским кладбищем идей, превращенных в трупы⁴¹.

Как видим, А.Ф. Лосев, стремящийся, как и любимые им неоплатоники, «отобразить живую, а не изнасилованную и мертвую действительность»⁴², на протяжении всего творческого пути использовал соловьевскую метафору из «Трех диалогов». Она помогала ему нагляднее передать диалектику подлинного абсолютного бытия («голубого неба», небесной родины) и того небытия, символом которого становится «дыра» дыромоляев, весьма воинственная «дырочка», превращающая мир во «вселенское кладбище идей», в «пустоту материалистов», в порождающую ужасы и кошмары «дурную бесконечность» относительной мифологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бибихин В.В.* Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. 415 с.
2. *Копировский А.М.* «По губам меня помажет пустота»: Образ пустоты в изобразительном искусстве и поэзии // *Окно из Европы: К 80-летию Жоржа Нива*. М.: Три квадрата, 2017. С. 426–438.
3. *Лосев А.Ф.* «Я сослан в XX век...» Т. 1–2. М.: Время, 2002.
4. *Лосев А.Ф.* Античный космос и современная наука // *Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос*. М.: Мысль, 1993. С. 61–612.
5. *Лосев А.Ф.* Владимир Соловьев и его время. М.: Молодая гвардия, 2009. 616 с.
6. *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа». М.: Мысль, 2001. 559 с.
7. *Лосев А.Ф.* История эстетики (фрагмент). «Нео-платонизм ясный как солнце» // *Лосев А.Ф. Эллинистически-римская эстетика*. М.: Мысль, 2002. С. 573–600.
8. *Лосев А.Ф.* От Гомера до Прокла: История античной эстетики в кратком изложении. СПб.: Азбука, 2016. 352 с.
9. *Лосев А.Ф.* Строение художественного мироощущения // *Лосев А.Ф. Форма. Стиль. Выражение*. М.: Мысль, 1995. С. 297–320.

⁴¹ *Лосев А.Ф.* «Я сослан в XX век...»: В 2 т. Т. 2. С. 590–591.

⁴² *Лосев А.Ф.* История эстетики (фрагмент). «Нео-платонизм ясный как солнце». С. 590.

10. *Лосев А.Ф.* Философия имени // Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. М.: Мысль, 1993. С. 613–801.
11. *Лосев А.Ф.* Эстетика Возрождения. М: Академический проект, 2017. 646 с.
12. *Лосев А.Ф., Лосева В.М.* «Радость на веки»: Переписка лагерных времен. М.: Русский путь, 2005. 263 с.
13. *Лосев А.Ф.* Вещь и имя. Самое самó. 2-е изд., исправл. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2016. 576 с.
14. Письма Д.С. Мережковского к В.В. Розанову (1899–1908) // Российский литературоведческий журнал. 1994. № 5/6. С. 234–251.
15. *Розанов В.В.* Что приснилось философу? // Новое время. 1900. № 8698, 16 мая. С. 2.
16. *Соловьев Вл.* Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Соловьев В.С. Собрание сочинений. 2-е изд. Т. 10. СПб.: Просвещение, 1914. С. 81–221.
17. *Тахо-Годи Е.А.* О литературно-философском осмыслении одного метафорического образа Вл. Соловьева // Соловьевские исследования. 2017. № 4 (56). С. 26–41.
18. *Тахо-Годи Е.А.* Традиции «Трех разговоров» Вл. Соловьева в прозе А.Ф. Лосева // Владимир Соловьев и культура Серебряного века. М.: Наука, 2005. С. 214–220.
19. *Троицкий В.П.* Примечания // Лосев А.Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа». М.: Мысль, 2001. С. 504–546.